

Академия наук Республики Татарстан  
Институт истории им. Ш.Марджани

# **Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья**

Выпуск 1

Казань – 2010

ББК 63.3(2)4  
Ис 78

**Редакционная коллегия:**

***Р.С.Хакимов, И.К.Загидуллин*** (отв. ред. и сост.),  
***Р.Г.Галлям, Л.Ф.Байбулатова***

**Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья.** Сб. статей. Вып. 1. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Исторические судьбы народов Среднего Поволжья в XV–XIX вв.», посвященной 80-летию доктора исторических наук С.Х.Алишева (г.Казань, 24 марта 2009 г.). – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2010. – 428 с. + 8 с. цв.вкл.

*На обложке:* Возвратившиеся в ислам крещеные татары д. Кибяк Кози Лаишевского уезда Казанской губернии, собравшиеся на общественную молитву рядом с тайной мечетью. Фото начала XX в. (из фондов РГИА).

**ISBN 978-5-94981-155-9**

© Институт истории АН РТ, 2010

капитала (73%) была вложена в сферу торговли, а уставной капитал торговых домов крайне невелик. 72% товариществ в начале XX в. основывалось на капитале от 2 до 10 тыс. руб. Соучредителями товариществ были не только купцы, но и мещане, и даже крестьяне, а вложенный капитал соучредителя мог равняться и 300 руб. Для татарского бизнеса в целом характерно большое количество семейных фирм.

Примечательно, что в числе пайщиков, и даже соучредителей значатся мусульманки, как правило, родственницы других акционеров. Единичным случаем можно считать создание акционерного общества женщинами. 1915 г. казанские мещанки Фатиха Сабитовна и Халифа Мухаметшевна Сабитовы, сложив по 2 тыс. руб. наличными, товарами и имуществом, создали полное товарищество Торговый Дом «Ф. и Г. Сабитовы», занятый торговлей хлебной продукцией.

В Казань начинает проникать и иностранный капитал. Например, в 1894 г. было создано бельгийское «Анонимное общество конно-железных дорог Казани».

Рынок Казани имел специфические особенности. В первую очередь это довольно низкая

покупательная способность населения, что, впрочем, характерно для России в целом. Кроме того, большую роль играли покупательские предпочтения, определенные национально-религиозным составом населения многонационального и поликонфессионального города, а также вкусами потребителей, которые, как известно, меняются во времени. Значительная масса населения Казани жила мелочной торговлей, которая не приносила значительных доходов, сдерживая рост покупательского спроса. Все выше означенные причины сдерживали развитие массового производства и создавали условия для сохранения среднего и мелкого бизнеса, работавшего с мелкими партиями товаров и более приспособленного для удовлетворения вкусов и потребностей русского и татарского населения Казани.

#### **Примечания**

1. Сведения о Торговых домах, действовавших в России в 1892 г. – СПб., 1893.

2. Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р. Торговые дома татар-предпринимателей города Казани // Татарские слободы Казани. Очерки истории. – Казань, 2002. – С. 235.

**А.М.Субботина**

### **Развитие инновационного потенциала крестьянского хозяйства в деятельности земства на территории Удмуртии во второй половине XIX – начале XX века\***

История России второй половины XIX – начале XX в. продемонстрировала, что крестьянское хозяйство находилось в достаточно сложном состоянии, а его способность обеспечить растущие потребности государства оказалась под сомнением. Низкая производительность земледельческого труда выразилась в серии неурожайных и «голодных» лет. Выход из данной ситуации лежал на пути интенсификации сельскохозяйственного производства. В решении проблемы эффективности инновационного воздействия на крестьянское хозяйство в данный период активно включились введенные реформой Александра II на уровне губерний и уездов органы земского самоуправления. Ярким примером взаимодействия с крестьянством в данном направлении может служить деятельность

земств на территории Удмуртии (Глазовский, Елабужский, Малмыжский, Сарапульский уезды Вятской губернии), действовавших здесь в период с 1867 по 1918 гг.

Взгляды местных земских деятелей на вопрос о том, на кого должно быть направлено земское воздействие, во многом определялись крестьянским большинством земских собраний и распространением народнической идеологии в среде земской интеллигенции. До начала XX в. в программных заявлениях земств края община объявлялась основой крестьянского благосостояния и потому нуждалась в поддержке, в том числе и со стороны земства. Однако активная инновационная деятельность земства в 90-е годы XIX – начале XX в. встретила сопротивление части крестьян. Одну из причин этого земские деятели видели в сохранении некоторых общинных порядков. Тем не менее, поскольку целью земства являлось улучшение экономического положения всего крестьянства, а не отдельных его представителей, земская деятельность была

\* Работа выполнена в рамках проекта «Удмуртское крестьянство: нравственные императивы и культура взаимодействия с природной и социальной средой», по программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

ориентирована преимущественно на развитие коллективных форм хозяйствования. Именно поэтому гораздо активнее земства откликались на просьбы коллективных просителей (сельских обществ, жителей отдельных населенных пунктов, артелей, товариществ и других кооперативов), устанавливая для них разнообразные льготы.

Нужно отметить, что курс на развитие инновационных процессов в крестьянском хозяйстве был взят Российским государством еще в доземский период. Особенно ярко он проявился в ходе реформы государственной деревни П.Д.Киселева 1837-1841 гг. Деятельность Министерства государственных имуществ и его местных органов – губернских палат государственных имуществ – в отношении крестьянского хозяйства была направлена, с одной стороны, на поддержание его экономического благосостояния, с другой, – на его интенсификацию. Наряду с традиционными для российского государства методами насильственного насаждения нового, впервые были широко апробированы разнообразные формы агрокультурной пропаганды и просвещения. Методы экономической поддержки крестьянского хозяйства включали в себя образование путем ежегодных обязательных сборов продовольственных капиталов, введение обязательного страхования сельских построек от огня, постановку на практическую основу переселенческого вопроса. Основными формами сельскохозяйственного просвещения стали создание образцовых хозяйств, обучение крестьянских мальчиков в специализированных учебных заведениях и проведение сельскохозяйственных выставок.

Несмотря на удачные опыты образцовых хозяйств в направлении перехода к многопольному севообороту, внедрения усовершенствованных орудий труда и новых сельскохозяйственных культур, они, как отмечает М.В.Гришкина, были лишь «редкими островами в море крестьян, продолжавших хозяйствовать дедовскими способами [4, с.148].

Губернская администрация видела препятствия для преодоления традиционной системы хозяйствования, в частности трехполья, прежде всего, в социальных причинах: малоземелье, общинных переделах земли, чересполосице. Современные исследователи рассматривают приверженность традиции как одну из характерных черт крестьянского сознания. Дж.Скотт, например, объясняет ориентацию крестьян на воспроизведение традиционной системы земледелия стремлением сократить до минимума возможный риск оказаться за нижним пределом потребления. Принцип безопасного существования лежит в основе моральных требований крестьянства, предъяв-

ляемых к членам общины, помещику и государству. Таким образом, «моральная экономика крестьянства» обеспечивает минимум потребностей всем членам общества на уровне простого воспроизводства [13]. Однако такая установка крестьянского хозяйства в XIX – начале XX в. вступила в противоречие с ориентацией государства на модернизацию российской экономики. В этих условиях задача выработки более совершенных методов приспособления крестьянства к новой ситуации приобрела особую актуальность. Взаимодействие местной либеральной общественности и крестьянства в рамках земских собраний давало дополнительные возможности для проникновения новаций в крестьянское хозяйство.

Во второй половине XIX – начале XX в. благополучие крестьянского хозяйства давало сбои. Периодически повторявшиеся неурожайные и голодные годы имели характер массового бедствия. По подсчетам Глазовской земской управы, за период существования земства неблагоприятные в экономическом отношении годы составляли 30%, а в 1874-1904 гг. – 47% [14, л.199]. Масштабами продовольственной катастрофы выделялись 1891-1892 гг. В этих условиях проблема неспособности традиционной системы земледелия обеспечить благосостояние крестьянина и государства приобретала для земств края особое значение.

Важную роль в выработке практической программы земского воздействия на крестьянское хозяйство сыграли результаты земских статистических исследований. Необходимо отметить, что земская статистика стала значимым дополнением административной, представленной на региональном уровне губернскими статистическими комитетами. Деятельность и роль Вятского губернского статистического комитета в научном изучении губернии, его взаимоотношения с земством освещаются в работе В.А.Бердинских [2]. Сотрудничество земства со статкомитетом осуществлялось по линии финансирования его работы, публикации результатов земских статистических исследований в его изданиях, совместного участия в кустарных и др. выставках.

Характерной чертой начального этапа развития земской статистики в крае являлось проведение статистических исследований без организационного оформления статистики в виде бюро и отделений при управах. В 1871 г. Вятское губернское земство опубликовало результаты осуществленного по его приглашению В.Я.Заволжским статистического изучения северных районов губернии под названием «Исследование экономического быта населения северной части Вятской губернии». Эта работа стала первым в России земским статистическим исследованием.

Новый этап в развитии земской статистики в крае начался с образованием в 1873 г. при Вятской губернской земской управе, по примеру Казанского, Тверского и др. земств, статистического бюро. Важную роль в разработке дальнейшей программы исследований сыграли его заведующие Н.Н.Романов и Е.С.Филимонов. Благодаря последнему Вятским губернским земством в 80-90-е годы XIX в. было предпринято комплексное изучение крестьянского хозяйства, включавшее в себя подворную перепись (московский тип) и оценку земель (черниговский тип).

Наибольшую ценность для характеристики крестьянского хозяйства представляют результаты подворной переписи, опубликованные в поездных сборниках «Материалов по статистике Вятской губернии». Собранные в них массовые статистические данные о крестьянских дворах сгруппированы по размеру земельного надела, количеству скота, видов сельскохозяйственных орудий, распространению промыслов, степени использования найма рабочей силы и др. с учетом этнической специфики и разрядов (государственные, удельные и т.д.) крестьян. Недостатком этого статистического исследования является разновременность его проведения и неодинаково полный характер учета в разных уездах губернии. Так, если в Малмыжском уезде сбор материала производился в 1884-1885 гг., то в Сарапульском и Глазовском уже в 1891-1892 гг.

С 1887 г. Вятским губернским земством было начато самостоятельное исследование кустарных промыслов, результаты которого были опубликованы в многотомных «Материалах по описанию кустарных промыслов Вятской губернии». Помещенные в них данные об истории возникновения промыслов, географии, уровне технической оснащенности предприятий, технологии производства, использовании найма, обеспеченности кустарей земельным наделом komponуются по основным видам распространенных в губернии промыслов.

Третий период развития земской статистики был обусловлен выходом в 1893 и 1896 гг. законов об оценке недвижимых имуществ, подлежавших обложению земскими сборами. Тем самым, с одной стороны, был закончен этап относительного свободного развития земской статистики и она ставилась под контроль государства, а с другой, ведущее место в земских статистических исследованиях заняли оценочные работы, на проведение которых государство выделяло губернскому земству значительные суммы. Расширение объема работ по оценке привело к выделению в самостоятельное подразделение оценочного стола.

К числу основных исследований, помимо подворных переписей и оценочных работ, отно-

сились также единовременные обследования отдельных сторон хозяйственно-культурной жизни края (школ, больниц, частновладельческих хозяйств и др.) В 1912 г., например, Вятское земство осуществило перепись населения и скота. Особенно активным местное земство было в изучении состояния народного образования. В конце XIX – начале XX в. было произведено несколько школьных обследований.

Другой важной особенностью третьего периода было организационное оформление текущей статистики. Начало этому процессу было положено в голодном 1891 г., хотя сами текущие сельскохозяйственные сведения собирались с 1869 г. К 1901 г. организационная структура текущей статистики включала отделение при губернской управе, статистиков при 11 уездных управах (с 1897 г.), съезды и совещания статистиков губернии и широкую сеть добровольных корреспондентов. В 1908 г. отделы текущей статистики на волне ликвидаторских настроений после революции 1905-1907 гг. были упразднены земством и восстановлены только в 1911 г. К началу 10-х годов XX в. в самостоятельные отделения выделяются страховая статистика и статистика народного образования.

Последними крупными исследованиями местного земства стали Первая и Вторая Всероссийские сельскохозяйственные переписи населения 1916 и 1917 гг., инициированные царским и Временным правительствами. В ходе переписей был собран ценный материал о крестьянском землевладении, обеспеченности скотом, социализации (распространение найма рабочей силы), опубликованный в местных и центральных изданиях. Таким образом, благодаря развитию земской статистики, земства были хорошо осведомлены о состоянии аграрного сектора края.

В качестве причин экономического упадка крестьянского хозяйства местными земствами в ответ на запрос Министерства земледелия в 1895 г. указывались общие экономические условия его существования (малоземелье, высокое налогообложение, неразвитость кредита, плохое состояние дорог и др.) и традиционный характер земледельческой и кустарной культуры, который связывался с низким образовательным уровнем населения [9, с.20-21]. Многие из перечисленных общеэкономических факторов (высокие ставки государственного налогообложения, решение проблемы малоземелья и др.) выходили за рамки компетенции земских учреждений. Исходя из имеющихся в их распоряжении возможностей, земствами края были предприняты усилия по развитию системы кредитования населения, поддержке кооперативного движения, осуществлению по-

среднических функций, улучшению путей сообщения. Последнее нашло выражение в активном содействии земства открытию в крае железнодорожных магистралей, в частности, строительству Пермско-Котласской железной дороги.

Важное значение для местного крестьянского хозяйства, учитывая его состояние, имели меры по продовольственной поддержке. Система продовольственной помощи была создана еще в доземский период. В ее основе лежали обязательные денежные и хлебные сборы с податного населения. Денежные сборы образовывали продовольственные капиталы, а хлеб хранился в сельских хлебозапасных магазинах.

С 1 января 1866 г. губернские продовольственные капиталы из ведения губернских комиссий народного продовольствия были переданы губернским земским учреждениям. Согласно «высочайше» утвержденному мнению Государственного совета 26 апреля 1866 г. губернский продовольственный капитал формировался путем отчисления из общей по империи суммы продовольственных капиталов (Министерства внутренних дел, Министерства государственных имуществ и Департамента уделов), по 48 коп. на ревизскую душу [10, с.2].

Помимо губернского, продолжали существовать сословные капиталы (мещанские, крестьянские и др.). В 1868 г. они были переданы в совместное заведование губернской и уездных земских управ, а с 1874 г. – только уездных управ. Размеры сословных капиталов были невелики. В особенно тяжелые годы земства активно пользовались кредитами из общеимперского продовольственного капитала, находившегося в ведении Министерства внутренних дел. Кроме того, земства получили право образовывать собственные продовольственные капиталы ассигнованиями по общей смете. В 1881 г., например, уездный продовольственный капитал, формировавшийся путем ежегодных ассигнований, учредило Сарапульское земство.

Хлебозапасные магазины, по закону, находились в заведовании самих сельских обществ. Обязанность общего наблюдения за ними возлагались на уездные земства. По «Уставу о народном продовольствии» каждый магазин должен был иметь запас хлеба в объеме 1 четверти ржи (пшеницы) и 1/2 четверти овса (ячменя) на каждую из причисленных к магазину душ. Действительное состояние хлебозапасных магазинов, как отмечали земства, было неудовлетворительным. В 1888 г., например, Елабужская управа докладывала губернскому земскому собранию, что из 258 сельских обществ уезда только у 77 имеется хлеб, 136 магазинов пусты, 45 не существуют [10, с.58]. Поэтому главным источником продовольственной помощи в уезде являлся губернский про-

довольственный капитал. Предпринятые земствами усилия по открытию хлебозапасных магазинов при каждом сельском обществе и замене их в малоземельных районах на денежные продовольственные капиталы не достигли необходимых результатов. Неслучайно, земства края с первых же лет своего существования ходатайствовали о передаче хлебозапасных магазинов в их полное заведование.

Помощь населению в неурожайные годы осуществлялась, главным образом, в форме натуральных и (реже) денежных ссуд, а в особенно тяжелые годы и безвозмездных пособий на продовольственные нужды, обсеменение полей и прокорм скота. До 1900 г. главным источником финансирования являлся губернский продовольственный капитал. Ссуды выдавались губернским земством по ходатайствам уездных земств. Согласно имеющимся данным о продовольственных ссудах и безвозмездных пособиях из хлебозапасных магазинов, губернского и имперского (в 1884 и 1891 гг.) продовольственных капиталов населению Удмуртии в 1869-1891 гг., хорошо прослеживается тенденция значительного увеличения объемов земских ссуд вслед за неурожайными годами. Максимальное увеличение земских расходов на продовольственные нужды населения последовало за голодом 1891 г., охватившим 20 губерний страны. Только в 1891 г. населению четырех исследуемых уездов было выдано более 100 тыс. четвертей хлеба из хлебозапасных магазинов и продовольственных ссуд на сумму 224717 руб. Всего в губернии ссуды Вятского губернского земства в этом году превысили 654389 руб. Между тем, убытки населения вследствие неурожая составили более 21 млн. руб. Для организации помощи голодающим земство запросило ссуду из общеимперского продовольственного капитала в размере более 8 млн. руб. с рассрочкой на десять лет. Из них в 1891 г. было получено 2 млн. руб. [11, с.207-213].

Сложность ситуации, в которой оказалось население губернии в 1891-1892 гг., потребовала от земства и других местных учреждений принятия экстраординарных мер, многие из которых активно применялись и в последующие годы. В их число входили: 1) создание, по распоряжению министра внутренних дел, особой губернской продовольственной комиссии в составе губернатора, управляющих казенной палатой и палатой государственных имуществ, членов губернской земской управы, городских голов и др., а также уездных комитетов по сбору средств голодающим; 2) запрет на коммерческую скупку хлеба в южных уездах губернии (Елабужском, Малмыжском, Сарапульском), введенный распоряжением губернатора от 31 июля 1891 г. в ответ на ходатайства губер-

ского и уездных земств и представителей административной власти и с одобрения министра внутренних дел, подтвержденный постановлением губернской продовольственной комиссии от 13 августа 1891 г. и отмененный ее же постановлением от 29 октября 1891 г.; 3) осуществление губернским земством массовых закупок хлеба сначала через своих агентов, приглашенных в количестве 200 человек, а потом, по предложению губернской продовольственной комиссии от 12 октября 1891 г., при посредничестве «крупных и ... вполне благонадежных комиссаров» Булычева, Прозорова, Ончукова; 4) организация на средства казны общественных работ, главным образом, по ремонту дорожных сооружений; 5) выдача ссуд рабочими лошадьми на средства Особого комитета наследника цесаревича, губернского и уездных земств, для чего Вятское губернское земство даже образовало в 1891 г. специальный капитал на сумму 8 тыс. руб.; 6) устройство бесплатных столовых и др. [11, с.216-218].

Объемы продовольственной помощи в 1891–1892 гг. значительно истощили имевшиеся в распоряжении земства ресурсы, а тяжелое экономическое положение населения ограничивало возможности их пополнения. Положение усугублялось хроническими недоимками по продовольственным ссудам. К началу XX в. только в одном Малмыжском уезде они составили более 1 млн. руб. [6, с.75]. В похожей ситуации находились и другие уезды губернии. В результате, когда в 1897-1898 гг. неурожай постиг южные уезды губернии, включая Елабужский и Сарапульский, губернский продовольственный капитал составлял всего 26381 руб. в наличности и 191600 руб. в процентных бумагах. Между тем, только на Сарапульский уезд требовалось на весну 1898 г. 367150 руб., а на осень 1898-весну 1899 гг. – более 2 млн. руб. Само Сарапульское земство располагало 1273 руб. 15 коп. из общественного крестьянского продовольственного капитала и запасами хлеба в магазинах в объеме 296343 пудов и 21 фунта [12, с.966], что составляло 14% от необходимых потребностей.

В таких условиях единственным выходом для земства было обращение за помощью к государству. За десятилетие с 1891 по 1900 год по стране в целом государство отпустило на продовольствие населению под ответственность земства 230 млн. руб.. Значительное увеличение расходов стало одной из причин изъятия продовольственного дела из ведения земства в 1900 г. Однако за следующие восемь лет неурожая с 1901 г. казне пришлось затратить еще большую сумму – 350 млн. руб. [1, с.87].

По закону 12 июня 1900 г., продовольственные капиталы (губернский и сословные) и

хлебозапасные магазины изымались из ведения земств и передавались учреждениям надзора за крестьянами (губернскому присутствию, уездным съездам, земским начальникам, волостным правлениям и попечителям продовольственных участков). Полномочия земств в продовольственном деле ограничивалось теперь участием членов губернской и уездных управ в заседаниях губернского присутствия и уездных съездов при обсуждении продовольственных вопросов, а также оказанием помощи населению в неурожайные годы из собственных средств. Поэтому деятельность земства в данном направлении не прекратилась, хотя ее объемы значительно сократились. Кроме того, в 90-е годы XIX в. земствами края были выработаны разнообразные формы экономической поддержки крестьянских хозяйств, во многом выходившие за финансовые рамки продовольственных капиталов и хлебозапасных магазинов.

Основным источником кредитования населения стали страховой и запасные капиталы губернского и уездных земств. Кроме того, акцент в ссудных операциях был смещен в сторону обеспечения кормами скота. В отношении продовольственной помощи населению земства края переориентировались на организацию осенней скупки хлеба и хлебозалоговые операции. Указанные меры имели целью сохранить крестьянский продовольственный и семенной хлеб, создать более выгодные условия его сбыта и тем самым предотвратить негативные последствия повышенной нужды крестьян в деньгах в период осенней уплаты податей.

Особенно активно в направлении хлебозаготовок действовало Сарапульское земство. Интересно, что, закупая осенью хлеб, земство часто оставляло его до весны на хранение у продавца с выплатой денежного вознаграждения. Малмыжское земство предпринимало попытки посредничества в скупке крестьянского хлеба казной.

Вопрос о хлебозалоговых операциях был поставлен Вятским губернским земским собранием в 1891 г. Тогда был выработан план учреждения хлебных ломбардов по типу Крестецкого земства Новгородской губернии. В 1893 г. на ассигнованные губернским земством 33000 руб. из запасного капитала было открыто 5 таких ломбардов, в том числе 1 в Малмыжском уезде. В 1900 г. первый хлебный ломбард появился в Глазовском уезде, в 1901 г. – в Сарапульском. В 1910/11 отчетном году в 6 уездах губернии, включая Малмыжский, Глазовский и Сарапульский, насчитывалось 27 ломбардов. По сообщению губернской управы, почти весь хлеб был выкуплен заемщиками в срок. Однако, в целом, эта инициатива земства

медленно находила понимание со стороны населения, особенно, как отмечала Глазовская управа, удмуртского [14, л.237]. Так, в 1895 г. в Малмыжском уезде было выдано денежных ссуд под залог хлеба всего 3 руб. 20 коп. [9, с.639]. В условиях крайней необходимости в денежных средствах в период осенней выплаты налоговых платежей крестьяне предпочитали продавать хлеб.

Помимо залоговых операций с сельхозпродуктами с использованием собственных средств, начиная с 90-х годов XIX в., земства осуществляли посреднические функции между Государственным банком и населением на условиях принятия ответственности за возврат ссуд. Кроме того, правительство неоднократно обращалось к уездным земствам с предложением об организации сети зернохранилищ для поддержания осенних цен на хлеб. Несмотря на предпринятые в этом направлении попытки ряда уездных земств, например, Малмыжского и Глазовского, данная мера не получила распространения, поскольку требовала от земства значительных материальных затрат.

Продовольственное дело, в котором земства принимали активное участие, в большей степени было ориентировано на организацию помощи крестьянам в экстренных условиях неурожая. Однако требовались специальные меры, которые позволили бы предотвращать подобные неблагоприятные для сельского хозяйства края ситуации. Сформулированная в 90-е годы XIX в. земская программа «улучшения экономического быта» населения была нацелена на прогрессивное развитие двух основных источников дохода местного крестьянства: сельского хозяйства и кустарных промыслов. Обе задачи осуществлялись по трем основным направлениям: 1) сельскохозяйственное и кустарно-ремесленное образование и просвещение посредством создания сети специализированных учебных заведений и культурно-просветительской работы; 2) демонстрация преимуществ рациональных форм ведения хозяйства и новых видов сельскохозяйственного и кустарного производства путем устройства показательных полей, образцовых хозяйств, сельскохозяйственных и кустарных выставок и др.; 3) разнообразные формы материального стимулирования со стороны земства крестьянской активности (ссуды, пособия, посреднические операции, консультация агрономического, ветеринарного, зоотехнического, кустарного персонала и др.). Интенсификация сельского хозяйства предполагала распространение улучшенных сельскохозяйственных орудий и семян, содействие переходу от трехполья к многопольным севооборотам, развитию травосеяния, огородничества и садоводства, разведению культуры

льна, повышению продуктивности животноводства. В отношении кустарных промыслов главное внимание земства уделялось распространению новых видов промыслов и повышению технической культуры кустарного производства.

Земства стремились к повышению уровня экономического благосостояния всего крестьянства края. Поэтому земская деятельность была ориентирована преимущественно на развитие коллективных форм хозяйствования. Неслучайно объектом пристального внимания земств на территории Удмуртии стала не только крестьянская община, но и кооперативное движение.

До середины 90-х годов XIX в. усилия земства были направлены, главным образом, на стимулирование открытия кредитных объединений, в частности ссудно-сберегательных товариществ. В 1889 г. на территории Удмуртии действовали Глазовское, Ижевское, Воткинское, Пьяноборское (Елабужский уезд) и Кильмезское (Малмыжский уезд) кредитно-сберегательные товарищества. Однако, как отмечали сами земцы, на этом пути они потерпели неудачу. Из более чем 20 созданных в 70-е годы XIX в. при посредничестве и помощи губернского земства товариществ к середине 1890-х годов продолжали действовать только 8. Несмотря на это, губернное земство не отказалось от идеи развития в крае мелкого кредита, расширив круг субсидируемых кредитных учреждений. На 1 января 1911 г. должниками губернского земства состояли: 7 ссудно-сберегательных товариществ, 6 сельских банков, 1 кустарная артель и 1 ссудно-сберегательная касса [9, с.608]. Еще менее результативными были попытки местных земств содействовать созданию производственных кооперативов (сыроварных и маслодельных артелей и др.).

В 90-е годы XIX – начале XX в. действовала программа губернского земства по содействию созданию в крае сельскохозяйственных обществ, совмещавших в себе просветительские и производственные функции. В ней, по рекомендации Министерства земледелия и государственных имуществ, нашла практическое воплощение выдвинутая в середине 90-х годов XIX в. вятскими земскими агрономами идея порайонных экономических комитетов. По мысли председателя Вятской губернской земской управы А.П. Батуева, сельскохозяйственные общества должны были обеспечить необходимую связь между земством и крестьянством. О потенциальных возможностях подобных объединений оказывать прогрессивное влияние на развитие сельского хозяйства свидетельствовал и опыт Финляндии и Прибалтики.

Инициатива открытия общества обычно исходила от местного агрономического персонала, который часто его и возглавлял. Источники содержания формировались из членских взносов участников (от 25 коп. до 1 руб.), субсидий и других форм поддержки со стороны губернского и уездных земств и Министерства земледелия. Земства, помимо выделения безвозмездных пособий обществам, брали на себя функции льготного кредитования, осуществления посреднических операций, обеспечения агротехнической помощью и др. В свою очередь, сельскохозяйственные общества служили целям сельскохозяйственной пропаганды среди крестьян путем создания при них библиотек, опытных полей, организации выставок и др.

В 1900 г. в губернии было 2 сельскохозяйственных общества, в 1904 г. – уже 26, в 1913 г. – 68 обществ [9, с.318]. На территории Удмуртии первые сельскохозяйственные общества начали появляться с 1903 г. Так, в этом году открылось Малмыжское сельскохозяйственное общество, в 1904 г. – Дебесское (Сарапульский уезд) и Уканское (Глазовский уезд) и др. К 1914 г. в Глазовском уезде действовало 6 сельскохозяйственных обществ [14, 196], в Малмыжском – более 10 [6, 59], в Сарапульском около 30 обществ [3, с.15].

Пример успешного функционирования продемонстрировало Калевайское сельскохозяйственное общество Глазовского уезда, учрежденное в 1905 г. В 1913 г. оно состояло из 26 членов. Библиотека общества насчитывала 400 брошюр. На средства Департамента земледелия обществом был оборудован сортировочный пункт, на собственные средства и пособие губернского земства были закуплены орудия по обработке льна. Некоторые члены общества занимались разведением улучшенных семян с последующей реализацией их через земский склад [14, л.197].

Новый период в развитии кооперативного движения в крае начался в 10-е годы XX в. и во многом был обусловлен изменением государственной политики в связи с неудовлетворительными результатами столыпинской аграрной реформы. Ему предшествовало достаточно сдержанное участие местных земств в инициированной правительством программе поддержки крестьян-единоличников.

Впервые вопрос об оказании помощи выделившимся на хутора и отруба был поднят в Вятском губернском земском собрании гласным от Глазовского уезда крестьянином Гагариновым в 1908 г. и направлен на рассмотрение уездных земств. В 1909 г. губернское земство из всех предложенных управой и уездными земствами мер остановилось только на льготном отпуске семян трав хуторянам на тех же условиях, что и целым селениям [9, с.291-293].

В 1910 г. Вятское губернское земское собрание получило циркулярное предложение Главного управления земледелия и землеустройства оказать агрономическую помощь хуторянам. Циркуляр правительства вызвал оживленную дискуссию среди гласных губернского земского собрания. Некоторые гласные, в том числе и крестьяне (от Сарапульского уезда – В.И.Леньков и К.М.Дробинин, от Нолинского – П.Л.Коровкин, от Малмыжского – М.Д.Одинцов, от Орловского – К.А.Бехтерев), выразили негативное отношение к инициативе земства о выделении финансовых субсидий хуторским хозяйствам. Аргументируя свою позицию, они отмечали, в частности, негативное отношение к хуторянам со стороны общинников. Гласный П.Л.Коровкин заявил: «У нас один закрепил за собой землю и все у него сожгли». Кроме того, по его мнению, несправедливо оказывать помощь состоятельным за счет бедняков, остающихся в общине, а земские агрономы не отказали бы в советах и хуторянам. Гласный К.М.Дробинин сообщил, что «он сам закрепил за собой 7 наделов и его пытались не раз сжечь» и выразил опасение, что «денежной «приманкой» создается в деревне раздор и «красный петух» [9, с.295]. Однако губернское земское собрание большинством голосов постановило желательным оказать помощь хозяйствам единоличного владения. Среди мер, осуществлявшихся на средства губернского земства и правительства, были: статистическое обследование хуторских хозяйств, создание показательных хуторов, открытие прокатных станций, распространение на хуторян льгот по покупке семян, сельскохозяйственных машин и др.

В результате проведенного земством в 1910 г. обследования выяснилось, что выделялись из общины не только зажиточные крестьяне. Из 318 обследованных хозяйств, в том числе 267 в Елабужском и Сарапульском уездах, двух и более лошадей имели 29,2%, одну лошадь – 57%, безлошадных оказалось 13,8%. Две и более коровы имели 29% обследованных хозяйств, одну – 57,6% и 13,3% были бескоровными. Улучшенным сельскохозяйственным инвентарем располагали 23% хуторских и отрубных хозяйств, традиционным – 66,4% и 10,7% не имели своего сельскохозяйственного инвентаря [7, с.111].

Проблему изыскания дополнительных резервов для интенсификации сельскохозяйственного производства было призвано решить кооперативное движение, принявшее в 10-е годы XX в. характер государственной программы. В частности, кредитные товарищества активно создавались при содействии Государственного банка. На 1 января 1910 г. в губернии насчитывалось 109 товариществ, 1911 г.

– 164, 1912 г. – 257, 1913 г. – 325, 1914 г. – 369 товариществ [5, с.295].

Земства края активно включились в работу по развитию кооперативного движения. Центром организации всесторонней поддержки кооперативам стали земские кассы мелкого кредита. 18 октября 1912 г. была открыта Вятская губернская земская касса мелкого кредита. Вслед за ней были учреждены уездные кассы. К 1917 г. кассы были открыты во всех четырех уездах удмуртского края. В ведение касс перешли земские капиталы, сельскохозяйственные склады и все ссудно-кредитные операции. В разработанных земством правилах одной из главных задач касс было содействие развитию сети кооперативов в крае. Разъяснительную работу среди населения осуществляли инструкторы по кооперации.

В 1913 г. инспекцией мелкого кредита Государственного банка в губернии было образовано 33 новых кредитных товарищества, губернским земством – 15. Кроме того, при содействии губернской и уездных касс земского кредита в 1913-1914 гг. было организовано 15 маслодельных артелей (до этого существовала только одна артель в Леденцовской волости Глазовского уезда), в том числе 1 – в Малмыжском и 1 – в Сарапульском уездах, а также 17 трудовых артелей, 19 товариществ по совместному использованию сельскохозяйственных машин (Малмыжский уезд) [5, с.295].

В 1915 г. в Вятке состоялся первый кооперативный съезд, который признал, что «кооперация в губернии развита односторонне и слишком слабо по сравнению с другими губерниями». Такое положение обуславливалось низкой грамотностью населения и поздним вступлением Вятского земства «на путь содействия кооперативным учреждениям» [8, с.505]. В целом же, можно констатировать, что в 10-е годы XX в. идея поддержки кооперативного движения стала определяющей в деятельности земств края в отношении крестьянского хозяйства. Кооперативы в этот период рассматриваются земством как основной канал экономического воздействия на крестьянство.

Таким образом, анализ взаимодействия земства и крестьянства в развитии инновационного потенциала сельского хозяйства на территории Удмуртии позволяет сделать определенные выводы. Земская программа преобразования крестьянской экономики формировалась под влиянием реальных условий социально-экономической жизни региона и страны в целом. Она была призвана решить две главные задачи: 1) повысить производительность крестьянского хозяйства и 2) обеспечить необходимый прожиточный минимум в неблагоприятные

годы. Нужно отметить, что затраты земства на организацию продовольственной помощи значительно превосходили расходы на распространение в крестьянской среде рациональных способов хозяйствования, хотя последние в конце XIX – начале XX в. значительно возросли. Кроме того, называя свою деятельность экономической, земства обычно не преследовали цели получения прибыли. Сознательно вводя широкое распространение бесплатных и льготных услуг в условиях крестьянского консерватизма, они испытывали затруднения в достижении окупаемости своих затрат.

Отношение местных земств к крестьянской общине менялось с течением времени. До начала XX в. именно община рассматривалась как основа крестьянского благосостояния и объект земской поддержки. Одной из причин такого подхода можно рассматривать численное преобладание крестьян в составе земских собраний края. Однако равнодушное, а иногда и негативное отношение части крестьянского населения к инновационной деятельности земств в конце XIX – начале XX в., особенно в период Столыпинской аграрной реформы, подняли перед земствами вопрос о целесообразности сохранения некоторых общинных порядков. Несмотря на это, коллективные формы хозяйствования по-прежнему пользовались приоритетом у значительной части земских гласных. Неслучайно земства активно включились в деятельность по развитию кооперативного движения.

Задача перевода крестьянского хозяйства к более рациональным способам земледелия и новым видам сельскохозяйственного производства помимо крупных капитальных вложений требовала изменения сознания крестьян. Неслучайно, центральное место в структуре земской деятельности заняло народное образование.

### Примечания

1. Абрамов В.Ф. Российское земство: экономика, финансы и культура. – М., 1996. – 166 с.
2. Бердинских В.А. Русская провинциальная историография второй половины девятнадцатого века. – М.; Киров, 1995. – 395 с.
3. Блинов Н. Земство за полвека. – Сарапул, 1914. – 30 с.
4. Гришкина М.В. Удмуртия в эпоху феодализма (конец XV – первая половина XIX в.). – Ижевск, 1994. – 208 с.
5. Журналы Вятского губернского земского собрания 47-й очередной сессии 1-18 декабря 1914 г. – Вятка, 1915. – Т. 3. – 472 с.
6. Журналы Малмыжского уездного земского собрания экстренной сессии 9 и 10 февраля 1914 г. с приложениями. – Малмыж, 1914. – 144 с.

7. Луковников Н. Столыпинская аграрная реформа в Удмуртии // Записки УдНИИ – Ижевск, 1954. – Вып. 16. – С. 83-122.

8. Материалы по экономическим мероприятиям Глазовского уездного земства за 1915 год. – Вятка, 1916. – 512 с.

9. Сборник постановлений Вятского губернского земства за 21 год. (1892-1913 гг.). – Вятка, 1914. – Т. 8.

10. Сборник постановлений Вятского губернского земства за 25-летие (1867-1892 гг.). – Вятка, 1914. – Т. 3.

11. Сборник постановлений Вятского губернского земства за 25-летие (1867-1892 гг.). – Вятка, 1914. – Т. 5. – Ч. 2.

12. Сборник постановлений Сарапульского уездного земского собрания очередных и чрезвычайных сессий. 1882-1903 гг. – Вятка, 1914. – Т. 2. – 792 с.

13. Современные концепции аграрного развития (Теоретический семинар) // Отечественная история. – 1992. – № 5. – С. 5-7.

14. ЦГАУР, ф. 5, оп. 1, д. 41.

**Н.Ф. Тагирова**

## **Поволжский региональный рынок начала XX в.: специализация, центры, особенности организации бизнеса**

Экономическое развитие Поволжья в начале XX в. характеризовали разнообразные явления, начало которых уходило в прошлое, в пореформенные годы. За время осуществления реформ, связанных с отменой крепостного состояния крестьян, легализацией рыночных отношений, в деревне сменилось 2-3 поколения жителей. При сохранении основ хозяйственной деятельности, внуки, вступавшие в трудовую жизнь в начале XX в., ориентировались на иные экономические отношения, нежели их деды и прадеды. Эти отношения диктовал рынок.

В данной статье рассматривается влияние рынка на изменения специализации и пространственного размещения центров Поволжского экономического района, прослеживается взаимосвязь этих процессов с организацией предпринимательства.

Влияние рынка часто не проявляется явно, особенно в сельском хозяйстве, где сильны природные факторы, где необходима «инерция» и «консерватизм», чтобы отследить долговременные последствия того или иного новшества. Проявление новых, или формирующихся в обществе экономических отношений в сельском хозяйстве можно увидеть не ранее, чем через 15-20 лет после начала их осуществления. Для аграрного Поволжья таким судьбоносным изменением были перемены, связанные с структурой землепользования и землевладения. К началу XX в. большая часть сельскохозяйственных угодий стала использоваться исключительно для земледелия. Сенокосы, пастбища, так необходимые для развития животноводства, значительно уменьшились в размерах, что предопределило в целом мало благоприятные перспективы для предпринимательства в животноводческом сегменте аграрного рынка. Застойный характер в животноводстве в начале XX в. отмечали практически все исследователи [3, с.120; 14, 114].

Земледелие, причем преимущественно зерновой ориентации, в начале XX в. развивалось усиленными темпами. Начальные проявления этой тенденции просматривались уже с 1870-х гг. В степных уездах Поволжья (юг Самарской губ., Саратовская губ.) выращивалась исключительно пшеница, главная товарная культура всей России. Посевы пшеницы в 1901-1915 гг. в Самарской губ. держались на уровне 53-60% всей пашни, в Саратовской – 31-38%. Самарская губ., наравне с Донской обл. по размерам посевных площадей пшеницы занимала первое место в Европейской России [3, с.83]. В Казанской, Симбирской, Пензенской губерниях структура посевов была разнообразнее, но и здесь выделялись главные культуры: овес, занимавший 28-30% посевов в Казанской, 26-23% – в Симбирской, 26-27% – в Пензенской губ., и озимая рожь (по 47-48% – в Казанской, Симбирской и Пензенской губ.) [3, с.83].

Мировая и российская аграрная конъюнктура рубежа XIX–XX вв., проявлявшаяся в повышении хлебных цен, способствовала развитию зернового бизнеса в крае. Однако сложившаяся практика сбыта зерна (овса и ржи) в северных и северо-западных районах Поволжья была ориентирована не столько на рынок, сколько на стабильного покупателя в лице государственного военного ведомства (Интендантства). Доля государственных закупок через земства в Симбирской губ. в 1910-1912 гг. овса составляли 83,9% товарной массы, ржи – 13% [16, с.347]. Аналогичной была ситуаций в Казанской, Пензенской губ. В степных уездах региона, напротив, активно развивалась частная торговля через биржи.

Изменения в системе хозяйствования и постепенную переориентацию на преимущественно зерновое производство можно рассматривать как главную тенденцию, определившую